

Привыкнув к лёгкому и постоянному доступу к информации, попав в деревню Люцзя в это время, Лю Сычэнь чувствовал себя словно в информационной пустыне. Он терпел это до сих пор, пока этот радиоприёмник не зажёл в нём надежду снова.

В начале этого года в деревне Люцзя появилось электричество, но проводка была только в деревенском правлении, где тускло горела лампа накаливания. В домах жителей электричества по-прежнему не было. Лю Сычэнь с нетерпением потянул Гу Яо и, схватив радиоприёмник, побежал в деревенское правление. Он слышал, что там оставили одну розетку, но до сих пор ею никто не пользовался.

Лю Сычэнь и Гу Яо возились с радиоприёмником весь день, и за это время прибежало уже с десяток детей, смотревших на развлечение, а также зашло несколько любопытных взрослых. Когда они наконец поймали более-менее чёткий мужской голос, всё деревенское правление взорвалось овациями. Все толпились вместе, и их лица сияли от возбуждения и радости, которую невозможно было скрыть.

— Это Национальное радио и телевидение! — Кто-то, внимательно прислушавшись к содержанию, громко объявил об этом, и все тут же стали внимательно слушать, затаив дыхание и наслаждаясь.

— Ага! Слышишь, Гу Яо? Ха-ха-ха. — Лю Сычэнь схватил Гу Яо за шею и начал трясти её взад-вперёд, от восторга выглядывая безумцем. Он громко рассмеялся, глядя в небо, а потом показал зубы Гу Яо, и его круглые большие глаза словно готовы были испустить лучи света.

— Отпей мою шею. — Гу Яо лишь посчитал, что ребёнок редко что-то видит, и его лицо было полно беспомощности, но в глазах плескалось всепрощение.

Как раз в это время проходили Олимпийские игры в Лос-Анджелесе, и национальный радиоканал постоянно рассказывал о победе Сюй Хайфэна, что заставило детей, впервые узнавших о таких мировых спортивных играх, закипеть от восторга. Даже спустя много лет Лю Сычэнь мог помнить воодушевлённый и высокий голос диктора, доносившийся из того громоздкого радиоприёмника, который вдохновил всех детей деревни Люцзя и раз за разом вызвал в их грудях кипящую кровь и патриотический героизм.

Радиоприёмник, подаренный бабушкой Гуанем, был импортным, в середине у него был слот для кассет, и Лю Сычэнь нашёл в посылке ещё пять кассет, в которых оказалось три кассеты с оригинальной английской записью, а ещё две — с популярными песнями.

На следующий день Лю Сычэнь не мог дождаться и принёс кассеты с популярными песнями, включив громкость радиоприёмника на максимум, и вся деревня Люцзя ожила от трогательных мелодий.

Почти все дети собрались в деревенском правлении, Лю Чансин и Гу Яо вместе переписали слова песен и наклеили их на стену, чтобы все могли учиться их петь.

Большинство этих песен были для Лю Сычэня тоже незнакомы, неся в себе сильный дух эпохи, и самой популярной среди них была «Бухта Пэнху бабушки» господина Пань Аньбана. Пляж, морские волны, кактусы и старый капитан, описанные в словах, были красотами, которые дети деревни Люцзя даже не могли вообразить, заставляя кучу невежд-малышков бесконечно мечтать об этом, и каждый раз, слушая эту песню, они испытывали подъём духа и уносились в мечтах.

Влечение к радиоприёмнику Лю Сычэня продолжалось в деревне Люцзя всё лето, и даже

долгое время после начала семестра этот радиоприёмник был капиталом, с которым дети деревни Люцзя хвастались перед одноклассниками, и когда они болтали о чём-то, напевали пару строчек из текста или рассказывали о подвигах Сюй Хайфэна, это немедленно вызывало вокруг восхищение и зависть окружающих.

В последние два дня летних каникул семья Лю Сычэня вместе с мамой Лю Чансина поехала в центр провинции: у мамы Лю закончился декретный отпуск, и нужно было вернуться на рабочее место.

Малыш, о, теперь его следовало называть Лю Сыань. После того как малышу исполнился месяц, папа Лю обсудил с бабушкой Лю и закрепили имя, зарегистрировав его в домовой книге. Имя шло в пару с именем Лю Сычэня, его называли Лю Сыань, и все старшие в семье надеялись, что жизнь этого малыша будет мирной и спокойной.

Лю Сыаню было всего три месяца, он находился на грудном вскармливании, поэтому мог только поехать с мамой Лю обратно в центр провинции, но так как мама Лю и папа Лю оба должны были ходить на работу, за Лю Сыанем некому было присмотреть, и в конце концов решили пригласить маму Лю Чансина помочь присматривать за Лю Сыанем до отлучения от груди, а когда отлучат — можно будет вернуть его в деревню Люцзя и отдать под присмотр бабушке Лю.

Настоящее имя мамы Лю Чансина было Ли Цуйся, а так как папа Лю Чансина был вторым в их ветви рода, дети обычно звали её тётей Эр. Ли Цуйся сама была очень доброй и честной женщиной, и с тех пор, как семья бабушки Лю приехала в деревню Люцзя, она им очень помогала.

В том году, когда выпал снег, она упала и сломала руку, бабушка Лю вылечил ей руку и ещё продолжал лечение, в общей сложности лечил полгода, и её рука восстановилась очень хорошо, не оставив никаких последствий. Бабушка Лю для неё старался, потратил много сил и использовал немало хороших трав, но в конце взял у её семьи только немного фасоли, и она всегда держала эту благодарность в сердце, обычно всегда желая помочь семье Лю Сычэня какими-то мелочами, которые были ей по силам.

Конечно, папа Лю и мама Лю просили её помочь присмотреть за ребёнком не просто так, они каждый месяц платили Ли Цуйся восемь юаней зарплаты, а еда и проживание были за их счёт. Зарплата папы Лю и мамы Лю в сумме за месяц была меньше шестидесяти юаней, так что эти расходы они могли полностью осилить.

Ли Цуйся тысячу раз отказывалась, но в конце концов приняла, хотя в сердце всё ещё чувствовала некоторую неловкость. Стоило знать, что муж в её семье каждый день ходил к людям делать столярную работу, и за месяц, вставая ни свет ни заря и работая до темна, он зарабатывал всего десять с лишним юаней. А она просто присматривала за ребёнком, ела и жила у них, плюс ещё получала восемь юаней — это действительно выглядело как получение выгоды.

Мама Лю утешала её, чтобы она успокоилась:

— Это всего лишь на несколько месяцев, тётя Эр, не принимайте это близко к сердцу. В будущем Яояо, Чэньчэнь и маленький Аньянь дома ещё будут просить вас присмотреть за ними. Мы все соседи, люди говорят: дальний родственник не так хорош, как близкий сосед. Для нас вы — наши родные.

Ли Цуйся добродушно улыбнулась, она не могла переспорить маму Лю и смирилась, приняв эту

зарплату, но в сердце тайно поклялась хорошо присматривать за ребёнком, чтобы не быть виноватой перед их доверием.

А Лю Сычэнь и Гу Яо не занимались делами взрослых, они сообщили дедушке Лю и папе Лю и ушли гулять.

Расстояние между центром провинции и уездом Вэйчэн было невелико, и именно поэтому жители уезда Вэйчэн обычно для важных дел ехали прямо в центр провинции, а не в город. Центр провинции был намного больше уезда Вэйчэн, в центре города сновало множество людей, на улице звенели велосипеды, и изредка проезжали мотоциклы, в универмаге было необычайно оживлённо, а на обочинах улиц ещё несколько торговцев кричали, продавая ручные изделия, овощи и готовую одежду.

Лю Сычэнь и другие искали в центре провинции магазин жадеита, Лю Сычэнь хотел продать тот «камень», который подарил Гу Яо.

Под палящим солнцем они ходили полчаса и наконец нашли магазин жадеита, зажатый в углу. Это тоже был старый магазин, только сейчас дела шли неважно, и площадь магазина постоянно сокращалась, сейчас осталось всего более десяти квадратных метров. Даже так, это был один из магазинов жадеита и ювелирных изделий, который мог попасть в рейтинг центра провинции.

Двое зашли и немного походили, поглядев на цены. В торговле драгоценностями есть старая поговорка: три года не открывать лавки, но одной распродажи хватит, чтобы поесть три года. В этом невзрачном маленьком магазине от маленьких подвесок за несколько юаней до жадеита с ценой в тысячу с лишним — всё было.

В магазине была только девушка лет двадцати, сидевшая внутри прилавка и вязавшая свитер, она их даже не приветствовала, здесь было так пусто, словно магазин, которым плохо управляют и который вот-вот закроется.

— Сестра, а где ваш начальник? — Лю Сычэнь встал на цыпочки, чтобы дотянуться до стеклянного прилавка, и улыбнулся той девушке.

Девушка медленно подняла голову и посмотрела на них, в её безразличном взоре, словно в мёртвой воде, тонкий голос в тихом магазине ещё больше подчёркивал пустую атмосферу, и было необъяснимо жутко:

— Я и есть начальник, вы что хотите купить?

— Мы не хотим ничего покупать, мы хотим что-то продать. — Гу Яо поднял ребёнка на руки, чтобы ему было удобно видеть убранство магазина, ничего не поделаешь, прилавки были слишком высоки, а Лю Сычэнь слишком низок.

— Наш магазин ничего не принимает! — Голос девушки вдруг повысился, почти до крика, при этом она наклонила голову и уставилась на них.

Лю Сычэнь испугался и весь дёрнулся, крепче обняв шею Гу Яо.

— Сяоянь, пришли гости? — Едва девушка закончила говорить, мужчина отодвинул заднюю дверь и вошёл.

Мужчина был высокого роста с смуглой кожей, лицо было покрыто бородой, ему было

примерно тридцать с лишним лет, он совсем не похож был на магазин, торгующий жадитом и ювелирными изделиями.

Мужчина увидел двоих детей, но на его лице не было никаких странных выражений, только он открыл рот и извинился перед ними:

— Моя младшая сестра с нервами не в порядке, вы извините.

— Ничего, мы хотели спросить, принимаете ли вы у себя «камни». — Гу Яо похлопал по спине Лю Сычэня, мягко успокаивая его.

<http://bllate.org/book/16485/1498121>